

Купа Рамис

16+

ХОЗЯЙКА УСАДЬБЫ
С СЕКРЕТОМ

Хозяйки

Кира Рамис

Хозяйка усадьбы с секретом

«Автор»

2022

Рамис К.

Хозяйка усадьбы с секретом / К. Рамис — «Автор»,
2022 — (Хозяйки)

Не стоило пытаться лишить кота бубенчиков, расплата не заставила себя ждать. Колодец, другой мир, тело барыни-сатрапки, которую любит лишь кот. Как выжить в чужом мире не зная о нём ничего? Маленькая компания: я, домовый, кот, коза и... А это что за незнакомец свалился мне на голову и пытается проводить до усадьбы деда?

Содержание

Глава 1. Барсик, Агафон и я	5
Глава 2. А вы умеете?	16
Глава 3. Вот и приехали	23
Глава 4. Что тут происходит?	25
Глава 5. Мука и деньги	28
Глава 6. А куда ещё ехать?	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кира Рамис

Хозяйка усадьбы с секретом

Глава 1. Барсик, Агафон и я

– Степан! Забирай барыню и хорошенько землёй присыпь. Да так, чтобы никто её не нашёл! Никогда! – донёсся, словно через вату мужской голос. Резкая боль прострелила правый бок: кто-то меня поднимал. – Ох, хорошо горит...

Что горит? Какой Степан? Где я? В больнице? Телевизор работает?

Мысли медленно вертелись в голове, последнее, что я помнила – как погналась за Барсиком возле ветеринарной клиники и провалилась в открытый люк. Лишить кота бубенчиков оказалось не самой моей удачной мыслью.

Похоже, я вновь отключилась. Пришла в себя от надсадных воплей возле уха.

– Это ты, блохастый комок шерсти, виноват, что мы с хозяйкой без жилья остались!

– Мур-мя-у-у... – взвыл не своим голосом обладатель блох. – Отпусти! Не виноват я! Впервые тебя вижу, нечёсаное чучело!

– Да что ты говоришь?! Зато я тебя каждый день под хвост пинал! Паршивец, если бы глупая барыня не оставляла ради тебя проход в магическом заборе, то и лютые дворовые не пробрались бы. Нет, мне хозяйку не жалко, уж очень она была плохим человеком. Никогда краюхи хлеба не подаст, блюдца с молоком не поставит. А людей порола почём зря. Семьи разделяла, продавала за любую провинность. Голодом морила. Оброком непосильным обложила. Дом жалко-о-о! Театр жалко-о-о! – громко завывал незнакомый голос. – Какие представления дворовые давали! Это ты виноват со своими ночными прогулками! Где мне сейчас жить? По миру пойду, да никто не подберёт меня, горемыку домового! – сквозь всхлипывания и громкое мяуканье явственно слышались удары.

Кот с кем-то дерётся?

Я попыталась сесть, но рука подвернулась, моё тело вновь встретилось с твёрдой землёй. Нещадно болела голова, почему-то правый бок и лицо.

Ушиб всей бабки на лицо, кисло улыбнулась я, вспомнив старую шутку.

– Ба... ба... – сфокусировав взгляд, увидела, как в моих ногах в грязи замерли двое. Мой рыжий кот Барсик и непонятное маленькое существо. – Барыня жива?!.. – пробормотал он, падая в обморок.

Кот не растерялся и тут же заехал драчуну по уху, чем привёл мгновенно того обратно в чувства.

– Барыня, милая, жива!

Он бегом бросился ко мне, я же оперлась другой рукой о землю.

– Где я?! – мой взгляд блуждал от Барсика к маленькому человечку и обратно. – Как всё болит, – встав на колени, попыталась подняться, но вновь завалилась на бок. В живот что-то кольнуло, грудь болела, дышать было трудно.

– Ох, чувствовал, что просто так злыдня не сдастся! – радовался странно одетый человек. – Последние силы истратил, но напугал паршивца Стёпку, не дал закопать. Ох он и улепётывал, только пятки сверкали!

– Кого не дал закопать? Меня? – я сфокусировала взгляд на молодом, только отпустившем бороду... а, собственно, кто он? На меня смотрел мужчина, но в несколько раз меньше обычного, вряд ли достанет мне до колена, если не ниже, но пропорционально сложенный. В чистой, латанной простенькой одежде, льняные брюки и такая же рубаха, подпоясанная кручёной верёвкой. Взъерошенные русые волосы и такого же цвета борода. На ногах лапти.

– А вы кто?

Мой вопрос остановил незнакомца, что пытался запихать маленький лапоток мне в платье. Может, там карман?

– Вы меня видите? – опешил тот, прижимая лапоток к груди. – Барыня...

– Вижу. А ты кто? Таблеточку бы от головы. В люк упала, неужели никто не видел? Барсик, паршивец, всё из-за тебя. М-м-м... как больно.

– И я говорю, что из-за него. Подождите, – собеседник помахал передо мной рукой и показал два пальца. – Что я делаю?

– Машешь рукой и показываешь пальцы.

– Так и есть, – он шлёпнулся на землю. – Дожили, домовых хозяева начинают видеть. Агафон я. Домовой, потомственный, вашей семье мы служим не одну сотню лет, – гордо произнёс он и поклонился.

Наверное, от шока, но и я решила представиться:

– Варвара Иванова, студентка третьего курса Академии...

– Госпожа, что с вами? Какая Варвара? Вы Софья Павловна Тополевская, но любите, когда вас называют Софи, – остановил меня тот, кто назвался домовым.

– Брежу, я просто брежу. Скоро меня найдут. Точно, я упала не в простой колодец, а в тот, что в фильмах показывают, через который можно попасть к морю.

О чём я? Какую чушь мелю! Какое море? Ближайшее от моего города – в тысячах километров.

– Хозяйка, я виноват! – неожиданно на колени упал Барсик. Вот прямо взял и упал, передние лапы сложил в молящем жесте на груди. – Прости меня, дурака! Я как увидел, что ты летишь в колодец, за тобой прыгнул, да поздно было, но не совсем. Ты меня подобрала, выкормила, вырастила, и я не мог не отблагодарить, загадал желание кошачьему богу. Одну из своих девяти жизней тебе отдать. Кто-то меня там услышал, – он задрал голову к звёздному небу. – И мы оказались в этом мире, я в теле хозяйского кота, а ты в теле барыни-сатрапки.

Он подмяукивал и постанывал.

Я заплакала, почему-то поверила. Морщась от боли, подтащила его к себе и обняла.

– Спасибо, Барсик.

– Вот это вам и пироги с грибами, – домовый запустил пятерню в спутанные волосы. – Так что, у меня новая хозяйка в старом теле? Софи, хватит слёзы лить. Ох и заживём мы сейчас. А ты добрая барыня? Кормить меня будешь?

– ...Степан, ты почему злыдно не обыскал? В доме мы золота не нашли, значит, она его на себя нацепила, – вдалеке послышались приглушённые голоса. Мы резко замолчали, я перестала плакать, а домовый – радоваться.

– Что ж я буду барыню обыскивать? – послышался виноватый ответ и громкий звук затрепщины.

– Сейчас придётся её выкапывать. Глубоко закопал?

Вместо ответа послышалось невнятное мычание.

– Лапоток возьми, хозяйка, и в кусты, быстро! – шепнул домовый.

Я всё ещё плохо соображала, но поняла, что идут по душу барыни, а в этом теле сейчас я, значит, по мою. Схватив маленький лапоток, на четвереньках, качаясь, поползла к ближайшим кустам.

Благо кустов было много, плотных, но колючих. Я сдерживала стоны: тело начинало болеть с удвоенной силой, досталось ему. Били, похоже, хозяйку куда каблучки достанут.

Сев на тёплую землю, прижала к себе Барсика и замерла. Даже дышать пыталась через раз.

– Степан! – совсем близко раздался громкий крик. – Дурья твоя голова! Нет её!

– Неужто жива оказалась? Или из мёртвых восстала? – голос Степана дрожал. – Чур меня...

– Глупостей-то не пори! Где ты видел в наших краях магов, что умеют людей поднимать? Ищи, далеко уйти не могла! Кусты проверь.

«Вот и всё, – подумала я, понимая, что недолго прожила в чужом теле, – смерть в один день в двух мирах, да я ставлю рекорды».

Страх пробирался по ногам к сердцу.

Ветки кустов резко раздвинулись. Прямо на меня смотрел высокий детина лет двадцати с широченными плечами и мощной шеей.

– Тут никого нет! – смотря прямо на меня, крикнул Степан.

«Нет? – сердце гулко застучало в груди. – Почему нет?»

Шок, адреналин, меня потрясывало.

– Мерзавка, ей кто-то помог! – надрывался второй.

– Да что ты так взвёлся? Завтра на зорьке придём, всё более тщательно обыщем, – успокаивал напарника Степан. Я же, сидя в кустах, пыталась дышать через раз.

Почему этот разбойник, что убивал и закапывал, пожалел меня?

– Завтра утром власти приедут вместе с приставами, – опять послышался звук удара. – Разве забыл, что её судили за лихие делишки и лишили всего имущества? А там и земли, и скот, и даже драгоценности. Погонят её из дома словно нищенку...

– Да кого погонят, крестьяне все сами сделали, и разорили, и убили, – голос Степана становился всё глуше. Разбойники удалялись.

– Интересно, она своими ногами ушла, или её кто-то утащил. Нее... Я проверял, не дышала барыня. Не могла уйти, крестьяне утащили, поняли, что золото на ней, бросят в какой-нибудь канаве, да туда ей и дорога. Драгоценности жаль не мне достались...

– Не нам, – поправил говорившего Степан, и наконец всё стихло.

Ещё минут пять я сидела в кустах, надеясь, что сейчас очнусь от страшного сна. Нет, таких снов не бывает.

Отпустив полупридушенного Барсика на землю, вылезла на поляну. Дом, когда-то большой и добротный, практически догорел, но света ещё хватало, чтобы осмотреться.

– Барыня, уходить нужно, – дал о себе знать домовой, выглядывая из моего правого кармана. Сейчас он был не больше ладони. – Я все силы потратил, отводя взгляд Стёпки, задержишься он ещё на миг, и всё, пропали бы вы, барыня Софья Павловна.

– Куда уходить? – мой взгляд бесцельно блуждал по поляне. – Я совершенно не знаю этого мира, обычаев. Куда? Тем более что вашу Софи никто не любил, а ещё она под следствием. Всё отходит завтра казне. Если ещё будет чему отходить. Меня что, в долговую яму посадят?

– Успокойся, барыня. Да остановись же! – кричал тот, а я дёргалась из стороны в сторону. – Суд был, я слышал, как Софи рвала и метала, завывая, что остаётся без гроша в кармане. Но в долговую яму её не сажают. Обошлось лишь лишением имущества, но она сама виновата, зарвалась.

– У меня в этом мире есть родители? Муж, дети?

– Что ты, – пробурчал домовой. – Такой дрянной характер никто не выдержит. Родителей лет двенадцать как нет, злобный дед растил, а как тебе исполнилось шестнадцать, так и без всякого сожаления посадил в карету, выделил слуг и отправил сюда, в родительское имение. По словам Софи, люто он её ненавидел, ни разу письма не прислал, но в деньгах она не нуждалась. Но был жених, его дед сосватал Софи. Парень богатый, да без титула, его отец из простых, выбился в люди да разбогател. Она ему отказала, прилюдно на каком-то балу высмеяла, вот дед её и выгнал из дома.

– Сколько же лет барыне? – мои глаза смотрели на землю. – Там человек, – я пошатнулась и прикрыла рукой рот, чтобы не закричать.

– Братец это твой молочный, Лукьян. До последнего Софи защищал, да куда ему против толпы, – вздохнул Агафон и зачем-то добавил: – Семь лет она тут прожила.

– Жив он, не стой столбом, барыня, – кошачья голова лежала на мужской груди. – К лекарю его нужно.

– К лекарю? К какому лекарю? На чём? – я резко развернулась и охнула, бок прострелила боль. – Мне бы самой к лекарю. Так! Нужно размышлять трезво, а то так и до утра проношусь, словно курица с яйцом, со своими страхами.

– Давай рассуждать трезво, – согласился из кармана домовой.

– Всё же Софи не круглая сирота, дед есть, пусть и ненавидит, но раз снабдил тогда каретой да слугами, то и сейчас не должен выгнать из дома. Далеко он живёт?

– А я почём знаю, – ответил Агафон. – В гости не звали. Я домовой, и мой дом... догорит, – всхлипнул несчастный.

– Проблема, однако, – мой взгляд блуждал в поисках хотя бы тележки. Выходило, или я нахожу транспорт, или, спасая свою шкуру, бросаю раненого незнакомого мне молочного брата Софи.

Второй вариант совесть не позволяла реализовать, поэтому я побрела искать тачку, хватаясь то за бок, то за голову. Адреналин схлынул, боль вернулась с удвоенной силой.

Барсик остался возле Лукьяна.

– Агафон, – тихо позвала домового, приближаясь к сараю. – Как думаешь, может дед не пустить на порог Софи?

– Сложно сказать, она много не болтала. Но если он не писал и был зол, то и дверь способен перед носом захлопнуть.

– А если есть молочный брат, то и матушка должна быть?

– Её несколько лет как не стало, – домовой высунул нос из кармана.

– Смотри, телегу не утащили, – я покрутилась возле лучшего на данный момент средства передвижения. – Жаль, лошади нет.

– Живность первой уводили...

– Ме-е...

– Что «ме»? – озадаченно посмотрела на карман, а потом в сторону. На меня, опустив голову, шла коза со сломанным рогом и оборванной верёвкой на шее. – Коза?

– Белянка, – из кармана выпрыгнул домовой. – Всегда непокорная была, сбежала и домой вернулась, милая.

Коза тут же успокоилась и жалобно мекнула.

– Настрадалась, бедняжка. Испугалась. Да только и с нами тебе будет несладко. Сами в бега подаёмся.

– Ме-е-е, – громко выдало животное.

– Софи, придётся её с собой брать, – постановил Агафон.

– Куда брать? Себя послушай, мы в бега и с козой? Хотя... Молоко будет, с голода не умрём, опять же и продать можно...

– Ме-е-е... – рогатое животное наклонило голову вниз.

– Тише, тише, милая. Барыня шутит. Никто тебя продавать не будет.

– Не будет, – шепнула, обречённо усаживаясь на землю. – На козе больного не увезти.

– Падай ниц, барыня! Не услышал врагов, притворись мёртвой! Кто-то скачет сюда!

Дважды меня просить не пришлось. Схватив палку с земли, упала лицом в небольшой клочок сена, авось не заметят, что дышу, ножку подвернула, чтобы казалась неестественной поза, чуть задрала подол и замерла.

Кто-то спрыгнул невдалеке на землю.

– Софья Павловна, – чья-то рука смахнула с моих волос травинки. – Не успел, – прошептал мужской голос, и именно в этот момент раздалось негромкое «ко-ко-ко», и кто-то нагло клюнул меня в лодыжку.

От боли я взвыла и, теряя самообладание, резко подскочила, ударяя незнакомца головой в подбородок.

– Вы кто? Не подходите, я буду защищаться!

Палка мелко потрясывалась вместе с рукой.

– А умеете защищаться-то, – усмехнулся мужчина, потирая подбородок.

– Вы кто? – я косилась на карман, но домовый помалкивал, то ли в обморок упал, то ли сам не знал, кто передо мной стоит.

– Вам нужно к врачу, вы сильно пострадали, – он разглядывал меня, словно какую-то безделушку на витрине. Взгляд его был полон презрения и холода.

– Кто вы и что вам надо? – я не спешила опускать палку.

– А вы не помните, Софья Павловна? Сильно пострадали, – его суженные глаза и поджатые губы дали понять, что он не питает ко мне тёплых чувств. Похоже, Софи многим насолила в этом мире. Как же она вовремя ушла.

– Нет, не помню, я практически умерла. Или крестьяне думали, что умерла, присыпая меня землёй. Очнулась и ничего не помню.

– Жаль, что вы забыли холопа безродного, что служить должен лишь на конюшне и не показываться на глаза благородным господам.

– Вы мой холоп? – если это так, то и лошадь моя?

– Что? – мужчина зашипел змеёй, заставив меня сжать палку сильнее. – У вас больше нет холопов, имущества и власти, Софи. Прощайте!

Он презрительно посмотрел на меня и уже развернулся уходить.

– Лошадь проси, в ноги падай, братец умирает, – шептал кот, встав на задние лапы.

– Стойте, господин, – я резко дёрнулась в сторону мужчины и тут же поплатилась: бок вновь прострелила сильная боль. Ещё это объёмное платье путалось в ногах. – Молю, продайте лошадь, заплачу полновесным золотом, – ой, что несу? Где я возьму золото, а вдруг оно не в ходу в этом мире? Начиталась любовных книг.

Но главное, что незнакомец остановился.

– Золотом? А это интересно.

– Или сдайте лошадь в аренду, до врача доехать, брата довести, умирает.

– А вот это ещё более интересно. Вы меня удивляете, Софья Павловна, в такой момент заботиться о братце? Он не жилец, бросайте его и свою шкуру спасайте. Трёх конь не довезёт до города, а вас возьму, доставлю к врачу, потом у меня служанкой отработаете.

– У меня есть деньги, – упёрлась я, поняв, что же меня всё время колет под одеждой. Золотые украшения. – Продайте лошадь, я в телегу её впрягу. Все доедем до города, там и расплачусь.

– Телегу? Сто золотых, и конь ваш.

Да он откровенно издевается!

– Сколько? – от возмущения задохнулись и я, и очнувшийся домовый.

– Пять золотых хороший конь стоит, – пропищал из кармана Агафон.

– Даю десять золотых, но коня не покупаю, а беру в аренду.

– Что такое «аренду»? – поинтересовался незнакомец, но отказываться не стал.

– Нанимаю на время, – нашлась я. – И коня, и вас. Мне брата не поднять, да и лошадь вряд ли запрягу, не говоря уже об управлении.

Да что же он стоит и молчит, человек умирает!

– Пожалуйста, помогите! Не мне, а Лукьяну, – заплакала, падая перед ним на колени.

– Встаньте, негоже госпоже перед холопами на коленях ползать. Помогу за десять золотых. Сено на телегу накидывайте, чтобы мягче лежать было.

Два раза упрашивать не пришлось, Агафон подсказал и помог магией быстренько застелить телегу. Радовало то, что она целая. И почему крестьяне не позарились на неё? Очень добротная.

Под руководством всё того же домового я нашла верёвку подлиннее и стала привязывать козу к телеге.

– Эй, а это ещё зачем?

– Пропадёт моя любимица-а без меня! – я хотела вновь бухнуться на колени, но боль в боку и спине не разрешили.

Правый глаз у спасителя заметно задёргался. Только бы не передумал, а то придётся огреть незваного гостя палкой по затылку, а мне ой как не хочется вживаться в роль настоящей барыни-сатрапки.

– Хорошо, – сквозь зубы произнёс незнакомец, сталкивая петуха, который бодро заскочил на телегу. – Больше никого не берём.

Мужчина аккуратно положил не приходящего в сознание Лукьяна на сено.

Домовой ворчал и требовал взять всех, кого не поймали бежавшие крестьяне, стоило мне укрыть провонявшей дымом тканью Лукьяна, как домовый вновь приказал петуху и двум оставшимся курам взбираться на телегу.

– Коровы нет? – сдался временный наёмный работник.

– Коровы нет, а жаль, – я попыталась медленно лечь рядом с молочным братом. Силы меня покидали. Сейчас бы добраться до врача и не упасть в обморок.

– Куда? – громкий рык привёл меня в чувство, а крепкие руки подхватили и посадили на край телеги. – Незамужней женщине нельзя лежать с мужчиной. Никто не знает, кем он вам приходится. Рядом со мной поедете, – он нажал на мою голову, не хотела, но пришлось положить её на чужое плечо.

Жутко неудобно так ехать. Потряхивает. Голова то и дело бьётся о плечо, стоит телеге попасть в яму.

– Как вас зовут, господин? – спросила я, преодолевая боль.

– Кто ж холопов господами зовёт, Софья Павловна? Неужели на самом деле память потеряли? – он повернул голову ко мне, внимательно посмотрел и произнёс: – Имя можете сами придумать, неважно, как меня зовут. Вы, главное, слово сдержите, заплатите деньги, а если обманете, то ко мне в услужение пойдёте. Но-о, родимый, поднажми!

Это последние слова, что я слышала, падая в обморок.

– Куда вы её несёте? Не приму, я узнал паршивку! Лечить не буду! Она мне клок волос на голове выдрала за то, что я ей предложил больной зуб удалить! А я был прав! – визгливо надрывался голос. – Она же тогда отправилась в соседний город, к шарлатану Борисову. Вот к нему и отправляйтесь. Я уверен, что этот неуч вырвал ей зуб без обезболивания! Он же магией не обладает! Глупая баба! Сколько людей я лечил в её усадьбе, поделом.

Мне тут же захотелось проверить языком, на месте ли зубы. Но не осмелилась, так как представление продолжалось.

– Ты примешь и барыню, и её брата, или я тебе оставшиеся волосы повывёргиваю, – держа меня на руках, сообщил мой спутник за десять золотых. – А не примешь, разрешения на врачебную деятельность лишишься вмиг.

Угрозы врача не напугали.

– Приму, но лишь потому, что клятву давал лечить всех. Три золотых, и пронosite.

Да я так по миру пойду с протянутой рукой! Лысый эскулап!

– Не наглей. Два золотых, и коня пусть слуги накормят, – тихо произнёс незнакомец, ветер мазнул по щеке, меня куда-то понесли.

– Санитары, больного в смотровую, а барыню в палату, раздеть, грязную одежду убрать и подготовить к осмотру.

Меня аккуратно куда-то положили.

– Господин, дальше мы сами, – женский голос вежливо попросил мужчину выйти.

Услышав, что дверь хлопнула, я открыла глаза.

– Пришли в себя, – на меня смотрела санитарка или медицинская сестра в чёрном платье, белом фартуке и платке. Внимание привлёк красный круг на платке. Странно, что не крест. Хотя что тут странного, чужой мир. Про магию говорят. – Госпожа, позвольте вас раздеть, белую рубашку...

– Нет, спасибо, выйдите, я сама справлюсь и позову вас, – мысленно приготовилась к препирательствам, но та неожиданно поклонилась и покинула палату.

– Хорошая, светлая, только болезнь повсюду витает, – из кармана высунулся Прокоп.

– Поможешь платье снять? – мне было больно поднимать руки. – Подозреваю, что под платьем всё, что у меня осталось на дальнейшую жизнь. Не хочу, чтобы кто-то видел.

– Помогу, пригрелся рядом с тобой, немного магии подтянул из нашего спутника. Силы есть.

– Он маг? – охнула я то ли от удивления, то ли от боли. Платье взмыло вверх, домовый знал своё дело: со стонами, но я сняла платье, а под ним оказалось ещё одно, несколько украшений были вшиты в потайные карманы, там же я нащупала золото, но распарывать некогда, да и незачем. Второе платье пошло легче, а вот под ним оказался чёрный корсет, в который умело спрятали и драгоценные камни, и украшения, и странные чёрные квадратики.

– Дай один, – взмолился домовый. – Редкий магический накопитель.

Я, не задумываясь, отдала, уж не знаю, сколько он стоит, но Прокоп практически два раза мне жизнь спас.

– Бери, без тебя пропаду. Твои советы ой как сейчас нужны, ты постарайся в обморок больше не падать, – я погладила домового по светлым волосам. – А где Барсик?

– А он пытается подружиться с Беляжкой, – рассмеялся счастливый домовый. – На молоко надеется.

Зайдя за ширму, сняла нижнюю рубаху, возле стены стояло небольшое зеркало. Смотреть на себя было страшно, по правому боку разливался огромный синяк. По рукам и ногам было ещё с десятков, если не больше. Не пожалели крестьяне, похоже, за всё отомстили барыне Софи. Только бы не встретить их больше. Неизвестно, успокоились они или нет.

Тело было молодое, стройное, можно сказать спортивное, помню, что барыни любили на лошадах кататься. Тоже спорт.

Облачившись в больничную рубаху, с помощью домового спрятала драгоценности. После употребления странного чёрного артефакта тот набрался сил, вновь стал высоким, мне по колено, и пообещал, что платья никто не увидит. Ни один камень не пропадёт. Его цепкие пальцы и глаза не позволят, всем взгляд отведет.

– Сестра! – тихо позвала я, но та услышала и тут же вошла. – Я готова к осмотру. Скажите, как там мой брат? Жить будет?

– Будет, – кивнула женщина. – Если живым привезли, то наш Илья Владимирович на ноги поднимет, не сомневайтесь. Сейчас позову.

Через несколько минут в палату вошёл невысокий полный мужчина. Я посмотрела на его голову, и почему-то стало стыдно. В самом деле, сбоку, рядом с лысиной, не хватало внушительного клочка волос. Ой, Софи, долго ли мне придётся за тебя краснеть?

– Доброе утро, Софья Павловна, – сухо поприветствовал доктор и присел рядом со мной на стул. – Смотрю, вы сразу обратили внимание на дело своих рук. – Да, волосы так и не отрасли, хотя прошло больше года.

Вспомнив, провела языком по зубам, все были на месте. Получается, врач из другого городка помог?

– Извините, – произнесла я, смутившись.

– Да что уж там, зол я на вас, да только волос не вернуть, – он с задумчивым взглядом сканировал руками моё тело. Неужели владеет магией рентгена? Долго осматривал мою голову и наконец произнёс:

– Со слов привезшего вас господина, вы потеряли память. Думаю, что вследствие сильного удара по голове: на затылке огромная шишка и кровоподтёк. Телу тоже сильно досталось. Синяки, несколько трещин в костях. Переломов со смещением нет.

«Это хорошо, что нет», – подумала, внимательно слушая доктора.

– Память с помощью магии вернуть не могу, синяки, трещины, ссадины и шишки все залечу. Только, Софья Павловна, неужели вы не чувствуете опустошённости? Вам, должно быть, сейчас очень плохо от потери магии.

«Софи владела магией? Вот это новости. Плюшек мне не досталось», – горько вздохнула я.

– Это происходит лишь в одном случае: если вы умирали и вернулись.

– Да, доктор, вы правы, меня практически убили и закопали, только я пришла в себя...

– Так! Расстраиваться не нужно. Вы сполна заплатили за свои грехи. Волнения плохо сказываются на здоровье, особенно на печени.

«На печени? Она тут при чём?»

– Вот вы и отвлеклись от грустных мыслей. Я вас погружу в сон и примусь за лечение. Светлана, унесите одежду барыни и почистите, – он отдал приказ стоящей рядом санитарке. Она тут же протянула руки к моим платьям.

– Нет, одежду не трогайте, и в сон меня не нужно. Просто обезбольте, я хочу всё видеть.

– В вас говорит страх, милочка. Страх вновь умереть, но вы не должны бояться, – увещевал милый врач.

– Нет, делайте как я попросила, – руками сжала простынь, а взглядом – одежду.

– Оставь, Светлана, сделаем как просит госпожа.

Я чувствовала, что боль постепенно уходит, нет, я не видела проявлений магии, из рук доктора не лился белый свет, не проскакивали искры, но он точно использовал магию, потому что боль отступила.

– Для чего я вас хотел погрузить в сон, – пояснил врач, вода руками вдоль моего тела. – Места трещин, растяжений и больших синяков при магическом излечении начинают сильно чесаться, только вот нужно терпеть и не чесать. Это понятно?

– Да, понятно, – я удивлённо посмотрела на говорившего: у меня ничего не чешется. Неужели он врёт, пытаясь по мелочи отомстить? И только я об этом подумала, как мелкие иголки побежали по телу, мне захотелось почесать сразу и везде. Сжав зубы, а пальцами простынь, я застонала, желание разодрать кожу нарастало.

– Терпите, ещё минут пять, и всё пройдёт. Я советую остаться у нас до вечера. Вашего брата мы привели в чувства, ему повезло, что магический резерв быстро пополняется, и только поэтому он продержался. Уже пришёл в себя, к вечеру можно будет отпускать. Магия у него дружелюбная, помогла мне справиться и с его переломами, и внутренними ушибами.

– Спасибо, доктор, – зуд утихал, и я смогла разжать зубы. – И ещё раз извините за волосы. Я этого не помню, но извиняюсь.

– Вы слышали разговор на крыльце? – тихо спросил тот.

– Да. Когда мне можно будет увидеть брата? – планов лежать тут до вечера, а потом выписываться в ночь, не было. Нужно найти или постоянный двор, или недорогую гостиницу. – Доктор, и ещё вопрос, как найти дорогу к родственнику, если потеряла память?

– Отвечу по порядку: к брату можно будет заглянуть днём, а к родственнику, – он на мгновение задумался. – Неужели вы всё же решили вступить в права наследования? Стряпчий в одном из ресторанов при личной встрече жаловался на вас, – мужчина усмехнулся. – Вы в грубой форме накричали на него и чуть с крыльца не спустили, когда он привёз вам весть о кончине деда и предложил вступить в права наследования.

– Дед умер? – эта новость ошарашила меня не меньше, чем переход из мира в мир. – А как же теперь я? – вопрос был риторическим и не требовал от врача ответа.

– Могу пригласить стряпчего сюда, но при одном условии: что вы не будете буянить, – он тихо захихикал.

– Не смешно. Не буду буянить, раз ничего не помню и осталась без средств к существованию. Приглашайте.

– Хорошо, отправлю за ним слугу. Надеюсь, что господин Ус на вас зла не держит и придёт.

– Агафон, что там наш попутчик? Денег ждёт или уехал? – тихо прошептала, стоило врачу и сестре выйти за дверь.

– Мнётся в коридоре, но лошадь уже распряг.

– Достань золотые, сколько обещано. Нужно расплатиться и распрощаться с господином. В этот момент дверь тихо открылась.

Вошедший странно на меня смотрел, перекатывая в руках монеты.

– Доктор подтвердил, что вы ничего не помните. Жестоко с вами обошлись крестьяне. Откуда золото?

Я приподнялась на локтях и с удивлением посмотрела на собеседника.

– Вас это не должно касаться, – прошептала, присматриваясь к незнакомцу. Высокий, статный, с иссиня-чёрными волосами, в дорожном костюме. Красивый, да только что с этой красоты, если он заносчивый?

В голову забрела мысль: «А чего это он интересуется? Может, поживиться за мой счёт решил? Нет, так не пойдёт!»

– Последнее отдала, господин, чтобы в служанки не попасть. У меня в платье карманы, как у всех барышень. Спасибо, что не бросили нас с братом умирать, – тихо пробормотала и откинулась на подушку.

Я себя чувствовала почти здоровой. Чесались места былых травм, но надежда, что скоро всё закончится, не оставляла меня.

– Хм-м...

Почему он не уходит? Стоит и задумчиво смотрит.

– Вы мне как-то одну услугу оказали, – молодой человек подошёл к столу и положил на него монеты, чем меня несказанно удивил. – Поэтому деньги не возьму, раз последние. С доктором расплатитесь. И дождитесь меня, я по делам отъеду, а потом вернусь.

– Зачем вернётесь? – мне это всё меньше нравилось. Неужели всё же решил барыню в служанки занять? Так я свободная женщина.

– По старой памяти хочу помочь вам в жизни устроиться. Выбор у вас небольшой. Например, пойти прислугой в богатый дом, или уехать в монастырь, или замуж выйти. Думаю, что какой-нибудь ремесленник согласится связать себя узами с такой красавицей. Характер, конечно, не сахар. Вы пока думайте, какой вариант вам подходит, а я скоро буду.

Произнёс и быстро вышел.

– Так, Агафон, что это сейчас было? Меня ни один вариант не устраивает. Почему я должна выбирать? Да кто он такой? Не будем дожидаться его прихода. Уезжаем! – озабоченно посмотрела на домового. Какое счастье, что его вижу лишь я.

– Куда, барыня, уезжаем? Лошади нет, одна телега. Лукьян болен, – ответил Агафон.

– Что, в этом мире нельзя лошадь купить? Деньги есть. Медсестра! Сестричка! – громко позвала я женщину.

Всё нутро бунтовало, я понимала, что если выберу один из вариантов, то свободы больше не увижу. Или служанкой всю жизнь проработаю, в монастыре – так там от зари до зари молитвы, а замужем... Хорошо, если муж добрый попадёт и бить не будет, а вот рожать детей придётся чуть ли не каждый год, плюс работа по дому, огород и никакой свободы. Буду привязана к дому.

Прочь из моей головы, дурные мысли. Бежать нужно от такого помощника. Да и по какому праву? А вот своих прав я совершенно не знаю, вдруг в этом мире такую одинокую да без денег легко может любой присвоить?

– Светлана, – я улыбнулась вошедшей медсестре, держа в руках оставленное незнакомцем золото. – У меня к вам одно маленькое, но деловое предложение.

Женщина перевела взгляд с меня на деньги и обратно.

Монетами заинтересовалась, а значит, есть шанс, что поможет.

– Слушаю вас, госпожа.

– Скажи, как себя чувствует мой брат?

– Весьма сносно, пришёл в себя, поел бульон, думаю, что до вечера отлежится, а там и встанет. Утром будет полностью здоров.

– А для этого нужны какие-то дополнительные магические воздействия или только покой?

– Только покой, госпожа, – улыбнулась Светлана, то и дело возвращаясь взглядом к монетам.

– Тогда я хочу отсюда уйти, сможете мне лошадь найти, чтобы в телегу впрячь? Лукьяна со всем удобствами перенести. Также хочу узнать, сколько за услуги милейшего доктора должна заплатить. Всё, что останется – вам за хлопоты и молчание. Сможете сделать быстро – накину сверху монету.

Неожиданно раздался стук в дверь.

Женщина быстро забрала деньги, спрятав их в карман, поклонилась и вышла. Я очень надеялась, что она выполнит всё, что я попросила.

– Господин Ус пожаловали, – Светлана открыла дверь, пропуская стряпчего.

– Добрый день, господин Ус, – я приподнялась.

– Софья Павловна, такое горе на ваши плечи выпало, – неожиданно произнёс Ус, совершенно на меня не злясь и не упрекая за былое. – Вы всё имущество потеряли, еле живы остались. Ох, и не позавидуешь такой участи, – похоже, он меня сейчас жалел, сирую и убогую. – Только у меня ещё порция плохих новостей.

– Каких? – голос просел. Стало страшно.

– Деньги и земли, что вам завещал дед, отошли короне, утром все бумаги были оформлены. Вашу усадьбу крестьяне сожгли. Сейчас ищут виновных, но долги нужно отдавать.

– Что, совсем ничего не осталось? – я во все глаза смотрела на стряпчего.

– Почему же? Прочитайте и распишитесь, что вступаете в права, – он протянул бумаги.

– Усадьба? – прочитав, вопросительно посмотрела на мужчину. – Но что туда входит? Она большая? В доме осталась мебель?

На все мои вопросы Ус пожимал плечами.

– Где она хотя бы находится?

– О, я вам карту дам, она прилагалась к документам, вы дочитывайте и подписывайтесь.

– Карта – это уже полдела, – улыбнулась, подписывая документы. – Главное, что жить будет где.

– Да, да, – Ус попятился, кланяясь.

– Подождите, а разве я не должна заплатить? – удивлённо посмотрела на стряпчего.

– Что вы, ваш дед при оформлении документов всё заплатил, – произнёс тот и выскользнул за дверь.

Знала бы я, чем эта доброта обернётся – и разговаривать бы с этим Усом не стала.

Глава 2. А вы умеете?

– Госпожа, а вы точно умеете управлять лошадьёю? – конюх смотрел на меня с сомнением. Рядом с ним стояла Светлана. Она выполнила все мои просьбы и даже больше. На телеге рядом с Лукьяном стояла большая корзина со снedyю. – Госпожа? – вновь окликнул конюх. Возможно, он был и не конюхом, но раз привёл лошадь, то я посчитала, что он представитель этой профессии.

Да, на госпожу я сейчас меньше всего походила. Волосы расчёсаны и собраны в простой конский хвост, корсет и платье, прошу заметить – грязные, вновь на мне. Бока и грудь покалывает, но не оттого, что не долечили, а потому что драгоценности не вата, колют при малейшем движении.

– Да, умею, – смело взялась за вожжи. Ничего я не умела, на телеге каталась раза два. – Но-о... Тпру... Потянула вправо, лошадь повернет вправо, потянула влево... Хотя что я вам поясняю, нам некогда. Светлана, спасибо за помощь, – в её ладонь легла ещё одна монета.

– Госпожа, но куда вы едете? – с удивлением спросила та, принимая деньги.

– Домой, – лаконично ответила, пусть думают что хотят.

Я оглянулась назад, домовый уговорил козу лечь на телегу в ногах брата, там же пристроились курицы, петух. Барсик же подсел поближе ко мне.

– Лошадь спокойная, накормленная, – конюх подошёл и погладил кобылу по морде. – Не бейте её, на постоялом дворе дайте отдохнуть, – да за кого он меня принимает? А, точно, за Софи.

– Не буду бить, обещаю кормить, я после потери памяти иначе смотрю на мир.

– Аккуратно щёлкни вожжами по лошадиному крупу, и трогаемся, – подсказал домовый.

– Но-о... – моё сердце замерло, послушает ли меня непарнокопытное? Мы тронулись, я ликовала. Понукать больше не стала. С черепашьей скоростью мы выехали на трассу. Трасса – это громкое слово для сельской дороги, но, что примечательно, дорога-то была без колеи, ровная и чем-то посыпанная. И при всём при этом широкая, так что называться трассой заслужила. Со встречными каретами и телегами мы спокойно разъезжались. Два раза меня обгоняли, возницы странно смотрели на госпожу, сидящую на месте извозчика, но тут же теряли ко мне интерес.

Никогда не думала, что управлять телегой трудно, нет, скорее, страшно. В сердце засела просьба: «Только не останавливайся и не капризничай, ты единственная наша лошадиная сила».

В какой-то момент мы добрались до перекрёстка, лошадь послушалась моего «тпру» и с лёгкостью остановилась. Я же выудила из небольшой сумки карту и написанную корявым почерком записку от господина Уса. Добрый человек оказался, всё расписал, на какой указатель смотреть, где повернуть. Два раза извинялась за поведение Софи.

– Так, что у нас тут? – слезла с телеги, прыгать в длинном платье не получается, и направилась к указателям.

– Софи, ножик бы тебе купить для защиты, – пробормотал вслед домовый.

– Зачем? Ус сказал, что места тут тихие, недавно зачистки проводились, разбойников не водится. Да и драться, скажу тебе по секрету, я, как и Софи, не умею.

– Это ты зря, что не научилась драться. Софья Павловна душеньку отводила. Она и из лука умела стрелять, и с кнутом управлялась получше иного мужика. Ручку поднимет, и кажется, что не сильно махнула, а свист и щелчок – будто землю расколола. Зря хвалишь Уса. Не понравился он мне, глаза, пока говорил, бегали из стороны в сторону, будто вошь на себе искал, а это признак нечистых мыслей. Уж поверь мне.

– Агафон, не нужно меня запугивать, и без тебя тошно. Еду не знаю куда, везу с собой брата. Вот зачем они его усыпили? Говорили же, что раны затянулись.

– Обещали, что проспит несколько часов и будет как свежий огурчик, – мурлыкнул Барсик.

– Слушайте, а козу не пора доить? – вскинулась я. – Ей же, наверное, больно, утром не подоили.

На меня внимательно смотрели семь пар глаз, да, да, и петух с курами тоже.

– Что? – покраснела я.

– Сестрички из больницы аж два раза подоили, – пояснил Барсик. – Пожалели козочку. – Так что в следующий раз вечером.

– Агафон, скажи козе, чтобы сено с телеги не подтаскивала. Чего разлеглась? Пока мы отдыхаем, пусть на обочине траву щиплет.

– Ме-е... – пойманная на воровстве однорогая прыгнула и, задрвав хвост, скрылась в ближайших кустах.

– Эй, куда, пять минут, и возвращайся! – вспомнила, что лишь собиралась посмотреть указатель. – Ладно, съедим по яблоку, – прошептала, забираясь на телегу.

– Мне бы печенку или пирожок, – домовый заглянул под ткань, что укрывала корзину. – Не положили, дотерплю до постоянного двора.

Я отломил немного хлеба и положила перед Агафоном.

– Угощайся, когда еще доедем до постоянного двора.

– Благодарствую, – хлеб мгновенно исчез.

– Агафон, найди козу, отправляться в путь нужно, – пока домовый возвращал вредное животное, я потрогала лоб Лукьяна. Температуры не было, молодой человек посапывал.

– Куда едем?

Опешив, посмотрела на запрыгнувшую козу. Тьфу, не сразу поняла, что это Агафон спросил.

– Как ни смешно звучит, но в Тёмный лес. Но, милая, трогай, – я вживалась в роль кучера.

– Куда ты её отправил? Говори, смерд, или я тебе такие удовольствия доставлю, что долго на пятую точку сесть не сможешь!

В небольшом кабинете в подвешенном состоянии болтал ногами господин Ус.

– Отпустите, – хрипел он, вцепившись в чужие руки. Мужчина напротив был настолько силен, что потуги Уса не увенчались успехом. – Всё скажу, отпустите.

Державший выполнил просьбу, но отпустил не очень удачно. Стряпчий пролетел приличное расстояние и приземлился под своим столом.

– Говори, пока я твой кабинет не разнёс.

– Через Тёмный лес, в город Зелёных глубин, а там, если живой останется, то и до усадьбы деда доберётся, – мужчина потрогал пальцем шатающийся передний зуб. Видя, что господин, швырнув стул, уходит, прокричал: – Она заслужила!

– Видишь, как тихо, – я поёжилась, лошадь нехотя ступала на чёрную дорогу. И это не игра слов. Тёмный лес, чёрная дорога. Она именно такой и была: словно посыпана чернозёмом. Но это было что-то другое. Наклоняться и выяснять не хотелось. Не пылило, и уже плюс.

– Софи, мне тут не нравится, – заканючил домовый, уменьшился и спрятался в карман. – Неправильное место, – тихо донеслось оттуда. – Мёртвое.

– Птицы не поют, – добавил кот.

– И ветер не шумит, давай повернём обратно, дождёмся кого-нибудь и спросим, есть ли другая дорога до этого города, – постанывал домовый. – Предчувствие плохое.

Вожжи я отпустила, смиренная лошадка сама перебирала копытами по прямой дороге.

– Лошадь не боится, идёт вперёд, значит, и нам нечего опасаться, – отмахнулась я, доставая карту. – Да и нет тут другой дороги, вот, смотри, Барсик, – я ткнула пушистика носом в бумагу. – Тут болото, тут лес непроходимый, – мой палец очертил город под странным названием Зелёные глубины.

Спрятав карту, осмотрелась: пейзаж удручал. Кажется, и деревья как в любом лесу, но тишина давила. Хоть бы одна птичка голос подала.

– Кар-р...

– Вот и лес оживает, ворона пролетела, – сжав вожжи, искала каркушу глазами.

– Кар-р... Кар-р... – представительница семейства врановых уселась на оглоблю и внимательно посмотрела на меня.

– Кыш! – махнула я рукой. – Мы мирные люди, едем к себе домой.

– Через Чёрный лес? – поинтересовалась птица, я же в испуге зажала рот.

Собрав волю в кулак, подумала, что, возможно, я и не без магии, раз слышу домовых и животных.

– Мне карту дали, – руки тряслись, пока я её вытаскивала. Я на полном серьёзе собиралась показывать вороне начерченный путь. – Вот, через Зелёные глубины, а там и до усадьбы недалеко.

Глаз ворона сверкнул красным.

– Тот, кто тебя отправил по этой дороге, гибели твоей желал, – каркнула ворона и взлетела в воздух.

– Так, хватит с меня приключений, – стуча зубами, остановила кобылу и, соскочив на землю, потянула её влево. – Поворачивай, милая, мы возвращаемся на большую дорогу.

Но та неожиданно заупрячилась, попыталась встать на дыбы, глаза её горели красным огнём, да так, что я отпрыгнула.

– Стой! Стой, кому говорю!

Да кто же меня слушал.

Куры и коза прижались к спящему братцу, и только один Барсик нашёл в себе силы спрыгнуть с телеги.

– Что это было? – слёзы навернулись на глаза.

– Какая вкусенькая... И без защиты... Сейчас полакомимся! Милая какая... Свежатинка... – тихие голоса доносились из-за деревьев, словно обступая со всех сторон.

Кот выгнул спину, грозно зашипел, шерсть смешно встала дыбом, да только мне было не до смеха. Из-за деревьев выползал туман, я сжалась и попятилась. Чёрный дым медленно принимал очертания людей.

– Иди к нам... Остайся... – доносился шёпот со всех сторон. – Сладкая... вкусная... отдай свою жизнь. С нами хорошо...

Они манили меня.

– Не слушай эту заразу и стой на дороге! – донёсся крик домового. – Сейчас я тебе помогу.

Мой разум затуманился, но лишь на миг. Цепкие пальцы Агафона привели в чувство. Зашипев, поняла, что тот меня поцарапал.

– Так надо, моя магия лучше действует на крови, – пояснил и вновь спрятался в карман.

А мне-то что делать, как долго стоять, не двигаясь? Тени несмело сделали шаг вперёд, но остановились, будто их что-то не пускало или они боялись идти вперёд.

Стоило мне лишь пошевелить рукой, как чёрные силуэты, словно найдя меня, кинулись вперёд.

– Так это же не туман, а люди! – воскликнула я, видя бегущих ко мне девочек, а за ними женщин и мужчин.

– Куда! – белая полоса света неожиданно отрезала меня от улыбающихся людей. Они кинулись обратно к лесу, но белый круг замкнулся, словно ловушка. Конь встал на дыбы, всадник спешил. – Ты в порядке? – на меня смотрел мой недавний спутник. Догнал всё же.

– В порядке, – прошептала одними губами.

– Совсем чёрный туман распоясался, уже и днём на людей бросается. Ух, напасть! – он схватился за эфес, в воздухе сверкнул клинок. – Сейчас моя заговорённая сабля почистит лес.

Что со мной произошло? Откуда взялись храбрость и уверенность, что перед нами не зло, а несчастные люди, попавшие в ловушку?

Быстро сунув в лапы Барсику маленький лапоток со словами «если что, бегите», бросилась за бравым воином.

– Стой! Не трогай их!

Не успела: первый силуэт рассыпался пылью.

– Там дети, ты разве не видишь в клубах тумана людей?! – закричав, повисла на «спасителе». За белой полосой на меня смотрели испуганные детские глаза.

– Какие дети? – мужчина, нахмурившись, пытался стряхнуть меня со своей руки. – Успел заразный туман проникнуть в разум.

Незнакомец перехватил саблю другой рукой.

Поняв, что по-другому не остановить жаждущего победы над туманом, кинулась за белую полосу, мои руки сомкнулись вокруг двух испуганных малышей.

– Нет! Софи! – надрывно ударило в спину, и тишина. – Дети!? Но туман не отдаёт своих жертв. Скольких людей он заманил...

Я повернула голову, за кругом стоял тот, что в тяжелый момент оказывался рядом со мной.

– Идёмте, больше вас никто не обидит, не заберёт, – по щекам катились слёзы.

– Мамочка! Там наша мамочка! – девочки пытались вырваться из моих объятий.

– Ей не помочь, – грустно произнесла я.

Я не пыталась обмануть, из всех силуэтов, что пришли за мной, лишь детские были видны чётко, взрослые же полностью были окутаны туманом.

– Помогите, спасите нашу маму, – молили малышки. Белый же круг рассыпался, я нарушила его. Тени отступали к лесу, и лишь одна из них протянула руку к детям. И я рискнула, отпустив девочек, потянулась и ухватила туман. Он испуганно отполз, оголяя женскую руку, а потом, собравшись в комок, накинулся на меня и словно растворился. Он во мне, внутри?

Страх липкой лапой сжал сердце. Неужели я по своей глупости, освободив мать и детей, увязла сама?

– Ненормальная! – белая полоса ещё раз прошлась по кромке леса. Молодой человек махал саблей, а я смотрела на детей, что плакали и пытались растормошить вялую мать. – Ты при пожаре совсем разум потеряла? Не помню, чтобы тебе были присущи приливы доброты и самопожертвования.

Встав и отряхнувшись, осмотрелась.

– Барсик! Агафон! – ни кота, ни лаптя на дороге не оказалось. – Барсик?

– Куда тебя понесло, заполошная!? Твой кот, задрвав хвост, по дороге вперёд убежал, – незнакомец дёрнул меня за руку, я впечаталась носом в его чёрную куртку.

– Отпусти! Какое право ты имеешь?.. Да кто ты такой? Кричишь, тыкаешь мне!

– Жених я твой, от которого ты решила отделаться в один прекрасный день, унизила прилюдно, высмеяла, мелкая паршивка. Да только задолжал твой дед мне. Долго будешь притворяться, что потеряла память? – его глаза пылали праведным гневом.

– Много лет прошло с тех пор! Чего сейчас так яришься? Да и я не помню ничего! Совсем! – кричала от страха, от безысходности. – Одна во всём мире!

Мои кулаки били неповинную мужскую грудь, моё тело накрыла истерика. Странно, что я так долго продержалась. Может, мозг всё это время цеплялся за мысль, что всё это попадание сон?

– Всё, всё, тише...

В себя приходила в чужих объятьях.

– Не плачь, вернётся к тебе память. Вновь станешь злыдней, да только без денег и слуг.

– Не хочу, – всхлипнула я, отстраняясь.

– Чего не хочешь? В злыдню или бедность?

– Ничего не хочу, домой хочу, – утирая слёзы, посмотрела на бывшего жениха, понимая, что он не поймёт, про какой дом я говорю.

И чего Софи нос воротила? Высокий, стройный, красивый, сильный, а ещё благородный. Не каждый отвергнутый жених бросится в Чёрный лес спасать какую-то там злыдню. Неужели он все эти годы был в неё тайно влюблён?

– А вот и твой кот вернулся, – молодой человек, чьего имени я «не помнила», указал пальцем на дорогу.

Моя лошадь медленно цокала назад.

– Я уж думал, что туман далеко её угнал, за поворотом стояла! – крикнул Барсик, а я покосилась на молодого человека.

Что и требовалось доказать: он не слышал кота.

– Какая умная лошадь, сама развернулась и пришла, – он внимательно осмотрел телегу, я же посмотрела на братца, тот мирно спал.

– Мама, мамочка ты куда?

Я резко развернулась на голос, дети повисли на руках женщины, двигавшейся обратно к лесу.

Твою ж...

– Женщина, дамочка, гражданка, вы что надумали? – я обхватила желающую уйти в лес за талию. – У вас дети! Сиротами их решили оставить?

Насколько же она сильная? Несмотря на тройной груз, двигается вперёд.

– Помогите! – у меня получилось оглянуться на стоящего за спиной молодого барина.

– Чем? Ты не видишь, туман её не отпускает. Смилуйся над несчастной, пусть уходит.

– Что?! – возмущённо воскликнула я. – Агафон, дай верёвку! В телеге лежит. Я, значит, силы тратила, со страха обмирала! Зачем? Чтобы отпустить? Нет!

– Николай Иванович моё имя, а не Агафон, – наконец-то представился жених, направляясь к телеге. Похоже, он подумал, что это его я звала несколько раз.

– Коленька, значит! Победитель, заступник, тем более помогите, – кряхтела я, удерживая женщину. Девочки притихли.

– Что с вами, Софья Павловна, произошло, что вы так резко поменялись?

В четыре руки мы усадили связанную женщину на телегу. Куры с козой недоверчиво смотрели на новых седоков.

Проигнорировав вопрос, подозвала девочек.

– Садитесь по бокам, трогаем. Спасибо, Николай Иванович, за помощь. Вы с нами поедете или вперёд поскочите? Имейте в виду, денег у меня больше нет, – сама говорю, а внутри всё сжимается. Только бы согласился проводить.

– Без меня вам не выбраться, – сухо ответил тот, вскакивая на коня. – И денег не возьму.

– Вот спасибо! От души благодарю!

Нет, я серьёзно благодарила от всего сердца, он же посмотрел так, будто я пыталась послать в лес к черному туману.

Двигались мы медленно и молча, каждый думал о своём. Вокруг всё так же была тишина, но чёрный туман больше не пытался ощерить свои мёртвые зубы. Мои мысли витали вокруг произошедшего ранее. Да, я удивлялась и не могла понять, каким образом у меня получилось освободить детей и женщину, но больше меня беспокоило другое. Что произошло с чёрным туманом? Я ясно видела, как он набросился на меня и впитался.

– Агафон, – шепотом позвала домового, боясь, что Николай услышит. – Ты видел, как туман на меня напал?

– Нет, не заметил, – так же шёпотом ответил тот.

– А чего ты шепчешь? – тут же поинтересовался Барсик. – Никто, кроме Софи, и не слышит нас.

– Точно! – Агафон вылез из кармана, чуть-чуть увеличился и уселся рядом. – Говоришь, что туман впитался в тело?

Кот и домовый, не сговариваясь, облепили мои руки, прислушиваясь к чему-то.

Мне стало смешно.

– Целый консилиум собрали. Ну что, доктора, какой вердикт? Жить буду? – тихо хихикала я, чувствуя мягкие кошачьи лапы подмышкой.

«Эскулапы» переглянулись и пожали плечами.

– Я не чувствую упадка сил, – начал Агафон. – Только светлую энергию, не магию, а именно потоки. О, я понял, ты своим светом можешь уничтожать тьму.

– В этом мире есть такие люди? – вопросительно шепнула.

– Не слышал, – домовый уселся рядом.

– А вы что скажете, доктор? – я погладила одной рукой Барсика.

– А я и не доктор, – мурлыкнул тот.

– А что ты тогда с таким умным видом там щупал?

– Соскучился, обняться захотел. А то до этого некогда было, – Барсик лизнул руку хозяйки. – Скорее бы добраться до жилья. Скоро моя рыжая шерсть станет седой от таких приключений.

– Все уже хотят доехать. Ещё несколько часов, и моя поясница устроит бунт. Уже ноет, волдыри появились, – я показала коту ладонь.

– Софья Павловна, о чём бормочете? – Николай Иванович придержал лошадь и поравнялся с телегой. – С вами всё в порядке? Чёрная пакость не затуманила случайно вам голову?

– Ой, что вы! – я отмахнулась от заботливого спутника. – Последние дни очень тяжелыми были. Еду и успокаиваю себя, что скоро из леса выберемся, устала. Судя по карте, немного осталось, – я развернула её и внимательно всмотрелась. – Вот, узнаю, недавно проезжали вот этот камень на обочине, – уверенно ткнула в маленькую белую крошку.

– А по-моему, это грязь, – забрав карту, Николай заботливо поковырял в ней пальцем. – Да и не нужна вам эта гадость от Уса, – он отшвырнул карту в чёрную пыль дороги.

– Зачем вы так, Николай Иванович?! – воскликнула и уже хотела спрыгнуть, как домовый прошептал:

– Я хорошо её запомнил, не заблудимся, не сходи с телеги, кто-то приближается.

Его слова заставили замереть и всмотреться вдаль.

– Там кто-то едет, – со страхом и надеждой посмотрела на Николая.

– И в самом деле, послышался цокот копыт. Двое, нет, трое верхом. Какой у вас слух великолепный, Софья Павловна.

– Стой! Кто такие?! – этот громкий окрик заставил меня сжаться.

Где-то в чаще леса

– Что, старая карга, всё пошло не по твоему плану? – чёрный ворон, сидя на печи и сверкая красными глазами, смотрел на разбушевавшуюся старуху.

Она, громко кашляя, скидывала со стола грязную посуду на невымытый пол. Чашки, тарелки, ложки разлетались по маленькой кухне.

– Я всё продумала! Сколько лет искала подходящую магичку с тёмной душой. Подкидывала ей чёрные мысли, зависть, злобу. По капельке, по крошечке. А-а-а! – дурным голосом взвыла старуха, опрокидывая табуретку и сползая на пол возле осколков. – Что и когда пошло не так? – она подслеповатыми глазами всматривалась в ворона.

– Ты переборщила с чернотой. Неокрепший ум слишком рьяно принялся творить злобу. И что вышло? Именно в этом году ты собиралась забрать её магию, молодость и жизнь, а тебя опередили простые крестьяне. Не слушаешь моих советов! Говорил не призывать душу из другого мира. И что вышло? Она добрая и зла не приемлет. Ещё и с твоим туманом легко справляется.

– Да что ты понимаешь!

Чашка с отколотой ручкой полетела в печь, но не достигла своей цели, упав на пол.

– Это был мой последний шанс получить молодость и красоту. Магия покидает меня. Никчёмные людишки, попадающиеся в мои силки, чаще всего совсем без какой-либо магии. Пустышки. Сам знаешь, что только чёрная душа мне подойдёт. Только она напитает меня магией и продлит жизнь на сто лет. Да, просчиталась, – кряхтя, та поднялась. – Пусть и крошечная, но была надежда, что двойник из другого мира будет чёрен душой...

– Не всё потеряно, – хлопнув крыльями, сообщил ворон. – Частичка тьмы поселилась в теле Софьи Павловны.

Старуха посмотрела на своего советника.

– Что ж ты раньше молчал, пучок облезлых перьев?

– Весело было смотреть, как ты бушуешь. Из чего сейчас есть будешь? – прокаркал ворон, осматривая кухню.

– Одну наглуую птицу на вертеле зажарю, и никаких тарелок не нужно, – чёрный жгут протянулся к ворону, сдавив того посередине туловища.

– Эй, побаловала и хватит! – хрипел пернатый. – Если меня съешь, то кто с тобой останется? Люди тебя до ужаса боятся и готовы раствориться во тьме, только бы не видеть тебя.

– И то верно, поиграли и хватит. Свидетеля уברי, он своё дело сделал.

– Ты про Уса? – ворон поправлял помявшиеся перья.

– А про кого ещё, глупая ты птица! А я пока буду думать, как эту чёрную каплю взрастить в чистой душе. Жаль, времени у меня остаётся всё меньше и меньше, но если всё получится, то не только этот лес станет моим, но и вся империя! Вот тогда и магигов станет больше, а там и до завоевания мира недалеко, – старушечьи глаза горели красным огнём. Она отряхнулась и пошаркала в комнату, открыла шкаф и пересчитала бутылочки с зелёной жидкостью. Одну откупорила, немного отпила. Повернулась к зеркалу и улыбнулась.

– Ну что ж, Софья Павловна, посмотрим на тебя, – с зеркальной поверхности произнесла помолодевшая женщина.

Глава 3. Вот и приехали

Маленький отряд из четырёх грозных воинов остановился перед нами. Я покосилась на женщину, сидящую рядом, и заметила, как с неё сползают путы. Поняв, что это домовой постарался, расслабилась. Связанная женщина, пусть и на телеге, может привлечь внимание, а лишние вопросы нам ой как не нужны.

Один из подъехавших спешил, другие же, замерев, положили руки на оружие.

– Кто такие и куда путь держите? – поинтересовался он, и наши взгляды встретились.

Волосы цвета тёмного ореха были собраны в хвост. Глубоко посаженные ярко-карие глаза с медовыми крапинками, нос с небольшой горбинкой, широкие скулы и чуть обветренные аккуратные губы. Широкоплечий, спортивного телосложения. Промелькнула мысль, что начальник отряда похож на зверя, изучающего добычу. И тут мне стало совершенно не до рассматривания замершего красавчика: на его лице неожиданно проступила чёрная татуировка в виде то ли букв, то ли рун. Не успела рассмотреть, появились и тут же пропали.

– Максим Алексеевич, неужто не узнаете? – Николай подошёл к мужчине и будто невзначай загородил мне обзор.

– Вас узнаю, Николай Иванович, а вот кто в телеге? И почему едете по этой дороге? Что с вами произошло? Мы почувствовали всплеск чёрного тумана и тут же поспешили проверить, что происходит. Женщины, вы воды в рот набрали? – он пожал руку Николаю и попытался обогнуть его.

– Я за них ручаюсь, это моя... – он сделал паузу, не давая тому пройти. Неужели решает, кем представить, служанкой или бывшей невестой? Подумав, решила вмешаться.

– Софья Павловна Тополевская, еду принимать в наследство имение деда. Знакомая Николая Ивановича, – хорошо, что личные документы не стала далеко прятать, тут же достала все бумаги и на себя, и на наследство. Протянула, наши пальцы соприкоснулись, а взгляды вновь встретились.

«Странное чувство во мне вызывает этот мужчина», – покраснев, подумала я, отдёргивая пальцы. Он одновременно опасен, но тут же интересен.

– А это кто? – прочитав документы, поинтересовался Максим Алексеевич, рассматривая притихшую семью. – Так-так! – руны вновь пробежали по его лицу, он резко подошёл к женщине.

Он понял, что та была в тумане. Что же делать?

– Господин, да, всплеск тумана был, это я виновата!

На меня одновременно посмотрели все присутствующие, кто с удивлением, кто с недоверием. Воины же оголили сабли.

– Как это «виновата»? – спросил Максим Алексеевич, положив руку на эфес.

– Вы не так поняли, я плохо ориентируюсь по карте, свернула не туда, совершенно не знала, что такой ужасный туман живёт в этом лесу, – и почему, когда нужно, слёзы не выдавливаются из глаз? – Дорога была длинная, нервная, брата больного с собой везу. Всё сгорело! – громко взвыла, уговаривая себя не переигрывать. – Осталась живность, брат, служанка, – я сбивалась с повествования. – Господин Николай Иванович, добрая душа, отговаривал ехать тут, но этой дорогой короче.

– София Павловна, – прервал меня Максим Алексеевич, убирая руку с оружия. – Вас всё труднее понимать. Давайте к сути, то есть, к туману.

– Так я и говорю, – утерев несуществующую слезу, продолжила, – остановились мы, только сошли с телеги...

– Зачем? – спросил воин.

– По нужде, – краснея, опустила взгляд. – И тут как началось, со всех сторон чёрный туман, силуэты. Служанка моя дальше всех зашла, так этот гадкий туман за руку схватил бедняжку, я с девочками бросилась её спасать, и нам удалось...

– Как служанку зовут? – поинтересовался прилипчивый красавчик.

«Да чтоб тебя!» – замерев, посмотрела на Максима... Пусть будет Маша.

– Нашу маму зовут Акулина, – одна из девочек взяла заторможенную мать за руку.

– Хорошо...

– А нас Аксинья и Агриппина, – тут же выдала другая, перебивая Максима Алексеевича.

– Мы можем ехать, если всё выяснили? Путь не близкий, – Николай переводил взгляд с меня на главу отряда и обратно.

– Поезжайте, а мы всё же проверим место туманного всплеска. В усадьбу к Тополевскому? Мой совет: переночуйте в городе и покажите служанку доктору. А утром уже в усадьбу поезжайте, – Максим Алексеевич резко вскочил на коня, и маленький отряд быстро скрылся из виду.

– Что не так с усадьбой деда? – удивлённо посмотрела на Николая, тронув лошадь.

– Я там не был несколько лет, но думаю, что одинокой девушке не стоит на ночь глядя отправляться в пустой дом. Он прав, – произнёс Николай и пришпорил коня.

Не прошло и получаса, как лес закончился, а вдалеке показалась городская стена.

– Так, усадьба за городом, судя по карте, – из кармана подал голос Агафон. – В километре, так что добираться не долго.

– Какое счастье, – простонала я.

– Да, вам повезло выбраться из такого ужасного места, Софья Павловна, – улыбнулся бывший жених.

В город-то мы въехали без приключений. Лошадь всё так же вяло брела по улице.

– Я – договариваться о постое, – не вытерпел нашего шагоплетения спутник, – а вы поверачивайте на соседнюю улицу, к гостинице «Белый пух».

И, пришпорив коня, ускакал вперёд.

– Неужто это Акулина со своими девками?..

– Да что ты говоришь? Какая Акулина? Она же по весне ещё пропала в лесу... за своим мужиком отправилась...

– Да она это... И дочки ейные! Они на прошлой неделе от дядьки родного убежали мать искать...

– А поговаривали, что это он их в лес свёз, кормить тяжело стало...

Народ оглядывался на нас, мне стало неудобно. Что это с ними?

– Неужто чёрный туман их отпустил? – люди подходили всё ближе.

Так, мне это не нравится.

И ещё больше не понравилось, когда гнилое яблоко угодило мне в спину.

Глава 4. Что тут происходит?

Резко натянув поводья, заставила лошадь остановиться. Соскочила с телеги, выискивая того, кто кинул гнилой фрукт.

– Кто?! – закричала я, хватаясь за верёвку, лежащую на телеге. Похоже, руки по старой памяти схватили любимое оружие Софи – хлыст. Да только верёвка не хлыст, и я не умею им орудовать. Но народ замер, испугавшись. – Кто посмел в госпожу кинуть яблоком?!

Уж не знаю, что подействовало – верёвка, мой громкий крик или «госпожа» – но собравшийся народ остановился.

– А ты кто такая?! – выкрикнула высокая красивая женщина, указывая на меня пальцем. – Может, и никакая не госпожа, а такая же сбежавшая из леса от чёрного тумана?! Мы узнали сидящих на телеге! Это Акулина с дочками! Акулина, что ты молчишь? Нам не нужен туман в городе! Он заразит всех! Выгнать их обратно в лес!

Народ, услышав призыв, вновь заволновался, вперёд вышли мужики.

– Вон! Убирайтесь! – кричали женщины, подбадривая тех, кто сейчас шёл на нас.

Я замерла в испуге, заслоня собой детей. Верёвка так и болталась в моих руках.

Большая волосатая рука протянулась к моему плечу.

– Мою сестру обижать?! – над ухом раздался медвежий рык, и первый претендент на мою руку, плечо и другие части тела полетел в толпу.

– Следующий!

Я не успела моргнуть, как оказалась за широкой спиной Лукьяна. Вовремя же он очнулся. Я выдохнула и прижала к себе детей.

– Бей приезжих! – кто-то завизжал из толпы.

– Лукьян, бей городских! – в два голоса подбадривали братца Агафон и Барсик. Даже коза не осталась в стороне, громко мекая.

Мужики бросились скопом, но братец устоял.

– Стража! Охрана! – кричала я, надрываясь, видя, что Лукьяна обступили уже пятеро дюжих мужиков. – Помогите! Не трогайте! Мы уедем из города! – страшно было до ужаса. В жизни в таких ситуациях не была, а тут не жизнь, а нескончаемый бой.

– Вы что делаете?!

Вот это бас!

Я, вытирая слёзы, оглянулась, толпа расступилась, и к нам подошёл исполин, одетый в робу и кожаный фартук.

– Кузнец... – кто-то выдохнул в толпе.

– Я ещё раз спрашиваю, что тут происходит? – этот «Тор» легко перекидывал из руки в руку увесистую кувалду.

Мамочки, а что если он сейчас узнает, что мы вытащили Акулину из тумана, и эта кувалда... Дальше думать о плохом не хотелось.

– Акулина с детьми вернулась из леса! – выкрикнул кто-то из толпы. Я второй раз слышала этот звонкий женский голос. – Она заражена туманом, как и её дети!

Остальной люд замер и молчал, похоже, что кузнец пользовался уважением в народе.

– Это так? – мужчина резко повернулся к нам.

– Нет, не так! – собрав все силы, посмотрела в чёрные глаза исполина. – Максим Алексеевич, борец с тёмным туманом, повстречал нас на дороге, никакого тумана в нас нет! Он проверил, вернётся и подтвердит! Всё это навет и поклёп истеричных дамочек!

– Акулина, – молот упал на землю. Кузнец присел возле женщины, взял её руки в свои. – Ты как себя чувствуешь?

Женщина неожиданно подняла глаза.

– Гаврила? – помедлив, прошептала бедняжка, узнав кузнеца.

– Куда вы направляетесь? – мужчина поднялся, нехотя отпуская женскую руку, и посмотрел на меня.

Я вздохнула, всё равно не сегодня, так завтра узнают, куда мы едем.

– В усадьбу господина Тополевского, внучка я его.

– Наследница... А я всё думаю, на кого она похожа, – загалдел народ.

Лукьян занял место возницы.

– Софья Павловна, садитесь, нам в путь пора, – под его глазом расплывался синяк. Правую щеку украшала царапина. Бедняга, не успел очнуться от травм, как вновь отхватил.

– Что тут происходит?

А вот и охрана появилась, как раз к шапочному разбору. Нас уже отпускали, а тут опять заминка.

– Пошумел народ и расходится, – кузнец Гаврила поднял молот и с лёгкостью положил себе на плечо.

Он обвёл строгим взглядом толпу, те и в самом деле отступили и потихоньку начали расходиться по своим делам, не забывая бросать на нас гневные взгляды и отдельные фразы.

– Хм, раз ничего не произошло, то мы пойдём.

Я в удивлении смотрела, как бравая охрана города в количестве трёх человек развернулась и отправилась обратно к воротам. Вот и зови их на помощь.

Я горько вздохнула, усаживаясь на телегу.

– В гостиницу или на постоянный двор вас не пустят. И Акулину к её братцу везти не советую, на порог не пустит. Пусть и ближайший родственник, но хай поднимет до небес, требуя повторной проверки на туман, если ещё чего похуже не сделает.

Я внимательно слушала черноглазого кузнеца.

– Что похуже? – поёжилась от холода. Странно, вокруг было тепло.

– Ночью отравит потихоньку, а скажет, что туман из женщины вырвался...

– Нет в ней тумана! – резко прервала слова кузнеца. – Проверял ваш Максим Алексеевич.

– Так нет его сейчас в городе. Поверят-то старшему родственнику Акулины.

– Я вас поняла, заберу с собой, поехали, Лукьян.

Желания ехать искать Николая не возникло. Девочки тихо плакали, обнимая мать, и мне хотелось лишь одного: побыстрее их увезти в спокойное место.

– Завтра с утра приду, – в спину пообещал кузнец, а зачем, не пояснил.

Агафон и в самом деле великолепно запомнил карту. Под управлением Лукьяна кобылка шла намного шустрее.

Город был ухоженный, улочки засажены красивыми розовыми кустами и раскидистыми ореховыми деревьями. Дома попадались как деревянные, так и каменные. Каждый из них был огорожен аккуратным забором. Каких-то старых ветхих домиков не попадалось. Сразу видно, что город зажиточный, а может, бедняцкие районы в другой стороне. Вопрос задать было некому. Народ больше не пытался нас остановить, будто и не замечал. Почему же они тогда пристали, как только мы въехали в город? И та странная кричащая женщина никак не давала мне покоя. Я два раза встречалась с ней взглядом. Он был наполнен злобой и ненавистью. Возможно, и у неё туман забрал родного человека? Тогда почему нет сочувствия к Акулине?

– Сестра, что же вы меня раньше не разбудили? – виновато бормотал Лукьян. – Самой пришлось с телегой управляться, свои белые рученьки марасть.

– Твоё здоровье дороже, а волдыри быстро пройдут. Ой, останови возле продуктовой лавки.

В животе громко заурчало. Есть хотелось, да и детей накормить нужно. Вряд ли в дедовом доме что-то осталось. Я ловко соскочила с телеги на ходу.

– Сидите тут. Лукьян, если Акулина решит куда-то идти, останови её и вежливо усади обратно. Куплю всё необходимое и прибегу.

– Спички купите, сестра, – попросил братец.

Может, и не стоило останавливаться? Дались мне эти продукты, потом бы одна вернулась. До города и возвращаться недалеко. Или Лукьяна бы отправила, но что сделано, то сделано.

Глава 5. Мука и деньги

Лавка, или, скорее, сельский магазин, удивила разнообразием. Деревянные стеллажи, стоявшие по периметру, полностью были заставлены продуктами, на полу располагались всевозможные мешки с мукой, крупами. Они были завязаны, но подписаны.

Сглатывая слюну, пыталась отвлечься от хлеба.

– Что... госпоже угодно? – лавочник после «что» замялся, рассматривая меня. Я бы и сама засомневалась, что являюсь госпожой. Платье требовало чистки, вид усталый и помятый. Обувь в пыли.

– Сколько стоит мешок муки? Три десятка яиц, молоко, – начала перечислять. – Сахар, соль, дрожжи, – мужчина слушал, но не спешил взвешивать или выкладывать продукты. – Масло постное и сливочное.

– Мешок муки тридцать пятьдесят серебряных, одно яйцо – медяк. Литр молока – десять медяков.

– Софи, торгуйся, он или издевается, думая, что ты ничего не купишь, или, видя незнакомку, пытается нагреть руки! – громко возмутился Агафон из кармана.

– За золотой можно корову купить, – заявила, посмотрев в глаза продавцу. – А вы мешок муки оценили в тридцать пять серебряных. Или если я барыня, то и цен не знаю? Я сейчас уйду из вашей лавки, – в моей руке появился золотой, шустро подсунутый домовым. – Зайду в другую и договорюсь, что мне в усадьбу будут поставлять свежие продукты.

– Подождите, – на лице продавца появилась улыбка, он нервно провёл по волосам и шустро выбежал в зал. – Если со мной заключите договор, то слуга будет привозить всё по списку и даже со скидкой. Где вы живёте? У нас город небольшой, и я всех жителей знаю. Он шустро набирал в корзину яйца с ближайшей полки.

– Я наследница господина Тополевского, внука. Вас, должно быть, смутил мой вид? Не на ту дорогу свернула и подверглась нападению.

– Знавал старика, – в мужском голосе проскользнуло раздражение. – Никто его не любил, склочный был. Неужели вы с туманом повстречались? – лавочник резко развернулся и недоверчиво посмотрел. Я кивнула. – И смогли уйти?

– Смогла.

– И вы собираетесь жить в усадьбе? Она же разорена, – последнее слово заставило меня вздрогнуть. Перед глазами встала сцена пожара и догорающий дом. – Ветер гуляет по дому. Недавно Костюшка, внучок мой, с ребятами в ту сторону за грибами ходили, видели раскрытые двери.

– Ничего, брат починит.

– Много ли слуг с собой везёте? – любопытство лавочника набирало обороты.

– Только служанку, сначала осматрюсь, а потом уже наберу слуг, – произнесла и сама себе не поверила.

Какие слуги, денег нет, усадьба разорена.

Я радовалась словно дитя: на один золотой мне удалось купить не только два мешка муки, но и соль, яйца, кусковой сахар (он оказался по цене чуть ли не вровень с мешком муки, и это за килограмм). Масло сливочное и подсолнечное нерафинированное с осадком, сала небольшой кусок, две курицы потрошённых, мешок картофеля, два кило репчатого лука, чай, свечи, длинные спички (вот они стоили дорого, совсем не копейку). Вилка капусты, морковь, свёклы несколько штук, сторговала острый нож, которым лавочник ловко орудовал за прилавком. Набрала разных круп. Посмотрела на фрукты и купила два яблока девочкам.

– Яблоки свежие, ранний урожай, берите больше, – уговаривал лавочник.

– В следующий раз, господин, – в мыслях я уже готовила пироги, булочки, суп и надеялась, что Лукьян разберётся с русской печкой. Почему-то именно она стояла перед глазами. А вдруг в магическом мире всё по-другому? Сейчас спрашивать не у кого, да и некогда. Не домового же мучить вопросами на глазах лавочника.

– Костенька! – крикнул мужчина, принимая золотой и подсовывая мне несколько паке-тиков. Из-за двери показалась вихрастая рыжая голова пацанёнка, лет десяти. – Позови отца, пусть мешки барыне до кареты донесёт.

– До телеги, – тихо поправила я. – Что это? – мешочки оказались лёгкими. – Семена?

– Они самые, – улыбнулся торговец. – Пригодятся. Слуги разберутся, огород засеют. Всё равно никто их не покупает. Пылятся.

– Спасибо за подарок, – говорить, что сеять придётся мне, не стала.

– Когда в следующий раз везти продукты и какие? – мужчина заискивающе смотрел на меня, пока его сын возился с мешками муки.

– Слуга от меня придёт со списком на днях, а может, и сама загляну, – ушла от прямого ответа.

– Батюшка, там шум на улице, кто-то драку затеял. Выносить продукты? – поинтересовался сын лавочника, поглядывая в окно.

– Кто? Зачем? – на улицу через стекло, бросилась к двери.

Глава 6. А куда ещё ехать?

Возле телеги стоял мужик в красной рубахе с узорами и требовал отдать ему Акулину с детьми.

– Они мои! – его и так красное лицо от злости стало пунцовым. – Отойди, сказал! – сильный он, однако, совершенно не уступает Лукьяну, так и стоят, вцепившись друг в друга.

Маленькие сестрёнки тряслись от испуга и прижимались к безучастной матери.

– Батюшка, так выносить продукты? – позади послышался голос.

– Да погоди ты выносить, не видишь, спор интересный, – тихо ответил лавочник.

Спор им интересный?!

– А ну отпусти моего брата! – крикнула я, надеясь, что приказ не вышел жалким.

– Ах, это ты забрала мою сестру и держишь её силой? Прикажи слуге убраться с моей дороги! – взгляд брата Акулины не предвещал ничего хорошего. – По-хорошему прошу отпустить и её, и детей, а не то стражу позову.

Я осмотрелась по сторонам. Народу было мало, но та странная женщина, что встретила меня недавно, стояла вдалеке и сверлила взглядом, поджав губы.

Что ей нужно? Я передёрнула плечами.

– А зови! – сделала шаг вперёд, сжав кулаки. – Зови, там и поговорим о том, как твои племянницы исчезли в лесу, в тумане, и не ты ли им помог очутиться в страшном месте. Народу платок не накинуть на роток. А ещё не постесняюсь и подам жалобу за оскорбление госпожи! Или ты хочешь сказать, – презрительно смерила его взглядом, – что выше меня сословием?

Брат, требующий возврата маленького испуганного семейства, побледнел и убрал руки от Лукьяна. Что же его напугало? То, что все могут узнать, кто отправил девочек в лес, или моя жалоба?

Неожиданно послышался цокот копыт, из-за поворота показался Николай.

– Софья Павловна, вы совершенно не умеете меня слушать! Что тут происходит? – он обвёл взглядом присутствующих зевак, которые тут же решили отправиться по своим очень важным делам.

– Ничего, господин, я обознался и уже ухожу, – в пояс поклонился краснощёкий мужик и посмотрел на меня.

Ох, какой у него был злющий взгляд. Нужно будет побольше узнать о таком наглom и опасном «родственничке».

Оглянувшись, поняла, что та странная женщина исчезла, словно её и не было.

– Софья?! Я задал вопрос! Почему не поехала в гостиницу? – Николай спешился.

И вот тут я сама не поняла, что на меня нашло. То ли последний проводок моего терпения перегорел, то ли от усталости, но я сорвалась на того, кто пытался мне помочь.

– Слушайте, Николай Иванович! Что вы привязались к нам как банный лист? Благодарю за спасение и помощь, но ехали бы вы в... куда хотите! Грузите продукты! Что застыли?! – накричала на лавочников.

Те тут же поклонились и бегом начали переносить еду в телегу.

– Вот сейчас я узнаю милую Софи. Всю дорогу притворялась больной, а как до дома рукой подать, так бывший жених больше и не нужен? Голос прорезался, – он практически вплотную подошёл ко мне и посмотрел в глаза. – А стоило ли спасать такую занозу?!

Я удивлённо смотрела на него, совершенно не понимая, почему нагрубила. За мной такого раньше не водилось.

– Надеюсь, что мы больше не встретимся, – он вскочил на коня.

– Извини, – прошептала я вслед удаляющемуся Николе.

Город мы покинули без проблем, ворота были распахнуты настежь, сонные часовые не проявили никакого любопытства, куда и зачем мы едем.

Девочки уминали яблоки, а я всё думала о произошедшем возле лавки.

– Как стыдно-то, – очень тихо, чтобы никто не услышал, прошептала себе под нос. – Николай Иванович столько сделал, а я... Неблагодарная. Агафон, может, пойти и признаться ловчему за туманом, что частичка той пакости во мне? Смотри, характер начинает портиться. Ещё немного, и на людей с плёткой начну кидаться, – огорчённо смотрела на дорогу.

– Ты что, глупая! С ума сошла? Кто в таком признаётся?! – Агафон возмущённо замахал на меня руками, возникнув из воздуха напротив лица. – Да и нет в тебе тумана, я не чувствую! Ты просто перенервничала!

– Я тоже так думаю! Это просто стресс, я по телевизору как-то умного психолога слушал и смотрел, пока ты была на работе, – Барсик, забравшись ко мне на колени, подставил голову. – Погладь.

– Тогда непременно нужно извиниться, – вздохнула я и огляделась, проводя рукой по рыжей шерсти. – Какие красивые поля. Вряд ли мои, – горько усмехнулась. – Даже если дом в разрухе...

– Точно не ваши, София Павловна, – Лукьян повернул голову в мою сторону. – Я слышал, что ваш дед всё распродал, а соседи с радостью и скупили. Дом да небольшой участок остались. Странно, сестра, что вы решили ехать в такую глушь. А вот и указатель!

– А куда ещё ехать, если наше имущество забрали, а дом разорили? Разве не помнишь? – вновь вздохнула. Телега остановилась. – Ты чего? – недоумённо посмотрела на брата.

– Сестра, прочитайте, что тут написано? Нам сюда?

– Да, правильно, поворачивай, усадьба моего деда, – завершила того, прочитав имя на деревянной табличке.

– Не помню, – неожиданно произнёс Лукьян, трогая лошадь с места. – Помню лишь, как подскочил ночью на кровати от громких криков, а что было дальше... В голове пустота.

Стоило проехать метров пятьдесят, как деревья закончились и открылся вид на небольшой двухэтажный дом. Странно, что его усадьбой назвали. Судя по окнам, внизу комнаты три и на втором этаже столько же.

– Вот и приехали! – спрыгнув и отряхнув платье, наклонилась, будто хочу протереть обувь, сама же тихо попросила домового с помощью магии подержать Акулину ещё немного на телеге, пока мы с Лукьяном не осмотрим дом, и в случае опасности громко кричать или послать Барсика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.